УДК 811.111'42
DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-84-91

КОММУНИКАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ АНТАГОНИСТИЧЕСКОЙ ИГРЫ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Г. А. Вильданова, И. В. Кожухова

¹ Казанский инновационный университет, Казань

² Челябинский государственный университет, Челябинск

Введение. Проанализирован коммуникативный инструментальный ситуаций политического взаимодействия, трактуемых в рамках теории игр как антагонистическая игра.

Материал и методы. Анализ лингвистической составляющей политической игры осуществляется с опорой на теоретико-игровую модель и позволяет выявить особенности модели игры участников политического взаимодействия; коммуникативные стратегии, специфичные для дискурса «политика»; языковое оформление исследуемых речевых стратегий и тактик. В качестве эмпирического материала выбран политический дискурс Д. Трампа как манифестация некооперативной игры.

Результаты и обсуждение. Теория игр выступает как инструмент прогнозирования стратегического поведения игроков и находит применение в политической лингвистике, так как цели и содержание политического дискурса подразумевают планирование стратегий коммуникативного поведения с целью достижения желаемого эффекта воздействия. Анализ дискурса Д. Трампа выявляет активное применение стратегий, присущих участникам антагонистической игры – некооперативной игры с нулевой суммой. Руководствуясь стремлением получить максимально возможный выигрыш в ситуациях политического взаимодействия, политик находит оптимальным использование коммуникативных стратегий конфликта и непредсказуемости в политических столкновениях интересов. Конфронтация вербализуется посредством различных проявлений активной и реактивной речевой агрессии, реализуемых в дискурсе Д. Трампа при помощи тактик констатации некомпетентности, обвинения, упрека, оскорбления, насмешки и колкости. В рамках стратегии неопределенности и непредсказуемости используются противоречивые высказывания, затрудняющие политическое прогнозирование. Данные коммуникативные стратегии являются рациональными в ситуациях краткосрочного взаимодействия, например на президентских выборах. В долгосрочной практике урегулирования международных отношений и управления отдельной страной применение речевых стратегий антагонистических игр в ситуациях политического взаимодействия непродуктивно.

Заключение. Антагонистическая игра является типичным и наиболее рациональным, с точки зрения Д. Трампа, сценарием любого политического коммуникативного взаимодействия. Основными коммуникативными стратегиями президента США являются стратегии конфронтации, непредсказуемости и неопределенности. В дискурсе «политика» преобладает рационально-эвристическая форма речевой агрессии.

Ключевые слова: теория игр, антагонистическая игра, политический дискурс, коммуникативная стратегия, игра с нулевой суммой, речевая агрессия.

Введение

В настоящей статье рассматриваются коммуникативные ресурсы политического взаимодействия, трактуемого в рамках теории игр как антагонистическая игра. На примере дискурса Д. Трампа предпринята попытка изучить и описать коммуникативный инструментальный частный случай некоалиционной игры и продемонстрировать возможности теоретико-игровой модели для анализа стратегического речевого взаимодействия в современной политической коммуникации.

Выбор эмпирического материала обоснован ослабевающим интересом к «феномену Трампа»: с момента выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах 2016 г. и по настоящее время заявления и поступки 45-го президента США Дональда Трампа получают противоречивые оценки как со стороны его соотечественников, так и со стороны мировой общественности. Недоумение

международного сообщества вызывает тот факт, что такие опытные и, казалось бы, обреченные на успех политические деятели, как, например, Хиллари Клинтон, Тед Круз, Марко Рубио, оказались не у дел, а позиционируемая ими концепция демократичного и толерантного политика, умело апеллирующего к американским ценностям с опорой на теорию фреймов от «гуру» политической коммуникации Дж. Лакоффа, разбилась в пух и прах о политический дилетантизм Д. Трампа. Успешность нестандартного, с позиции американского истеблишмента, поведения кандидата в президенты, а вскоре и президента США поднимает вопрос о валидности современных методик манипулятивного воздействия в политической коммуникации, необходимости инвентаризации существующего инструментария для анализа политического дискурса и инспирирует исследования политических текстов с позиций разных научных областей знания [1].

Можно смело утверждать, что современный политический дискурс превратился в «методологический узел, в котором сходятся интересы различных направлений исследований» [2, с. 180].

В свою очередь, принимая во внимание стратегический характер политического взаимодействия и актуальность междисциплинарной научной парадигмы, мы привлекаем методологию теории игр в область исследования политической лингвистики и предлагаем анализ коммуникативного поведения Д. Трампа с опорой на теоретико-игровую модель. В рамках данного исследования речь пойдет, во-первых, об особенностях модели игры, в которую Д. Трамп вовлекает участников политического взаимодействия; во-вторых, о коммуникативных стратегиях, специфичных для дискурса 45-го президента США, и, в-третьих, о языковом оформлении исследуемых речевых стратегий и тактик. Полагая, что данная структура анализа способствует созданию достаточно детальной и ясной картины одного из актуальных аспектов реализации стратегической коммуникации в современном политическом дискурсе.

Результаты и обсуждение

Прежде всего необходимо отметить, что основной задачей теоретико-игровых изысканий является моделирование ситуаций стратегического взаимодействия между игроками. Примечательно, что, изначально разработанная в рамках математической экономики, в настоящее время теория игр находит применение в различных областях знания [3]. Яркой иллюстрацией возможностей имплементации теоретико-игрового подхода является труд американского политолога С. Брамса «Теория игр и гуманитарные науки: мост между двумя мирами» (*Game Theory and the Humanities: Bridging Two Worlds*), где исследователь экстраполирует инструментарий теории игр на проблемы теологии, политики, литературы, истории и философии [4]. Помимо этого, вдохновляющим примером нам послужили разработки исследователей, применяющих методики как гуманитарных, так естественнонаучных отраслей знания: в области философии языка (С. Пинкер) [5], лингвокультурологии и экспертизы языка (С. В. Иванова, З. З. Чанышева) [2] и др.

Что касается политологии, в настоящее время теория игр – это важный инструмент политического консультирования и прогнозирования поведения игроков. Как правило, в столкновениях краткосрочных интересов используются антагонистические игры – вид некооперативной игры, когда выигрыш одной из сторон равен проигрышу другой (игры с нулевой суммой), в то время как коалиционные (кооперативные) игры с ненулевой суммой

применяются при анализе и прогнозах среднесрочных политических стратегий [6].

Несмотря на тот факт, что лингвистика делает первые шаги в теоретико-игровом направлении, очевидно, что модели, разработанные теоретиками игр, применимы к политической коммуникации, дополняя традиционную методику ее исследования. Политический дискурс неслучайно попадает в фокус теоретико-игровых исследований: игра встроена в политическое взаимодействие, задачи и содержание политического дискурса подразумевают планирование стратегий коммуникативного поведения с целью достижения желаемого эффекта воздействия.

По мнению специалистов в области теории игр, Д. Трамп активно внедряет в коммуникативное взаимодействие модель антагонистической игры в ее наиболее бескомпромиссном проявлении, которое получило такие неформальные обозначения, как «игра в цыпленка» (*game of chicken*), «ястребы и голуби» (*hawks and doves*), и описывается в реалиях русского языка как «брать на слабо/кто струсит первым». Цель подобной игры-противостояния – заставить другого игрока сдать позиции первым под психологическим давлением и получить весь выигрыш. Думается, что Д. Трамп, известный как успешный, жесткий, не терпящий возражений и несговорчивый предприниматель, переносит привычные ему и принятые в американском обществе стратегии ведения бизнеса (борьба, агрессия, риск и непредсказуемость) в политическую деятельность [7]. Можно предположить, что жесткая политическая риторика Трампа – это проявление профессиональной деформации его личности: в бизнесе он успешно применяет модель антагонистической игры и продолжает эксплуатировать апробированный шаблон, диктуя правила игры и «совершая сделки» в привычной ему манере в новой профессиональной деятельности. Наглядным примером служит уникальное для дипломатической практики письмо Д. Трампа турецкому лидеру Т. Эрдогану, которое уже назвали образцом «модернистской дипломатической практики». В тексте прямо заявляется: «Давайте обсудим хорошую сделку!» – «*Let's work out a good deal!*», «Вы можете заключить отличную сделку». – «*You can make a great deal*» и оговариваются условия сделки: «Вы не хотите, чтобы Вас обвинили в резне и убийстве тысяч людей, а я не хочу быть ответственным за разрушение турецкой экономики – но я это сделаю». – «*You don't want to be responsible for slaughtering thousands of people, and I don't want to be responsible for destroying the Turkish economy – and I will*» [8]. Вполне понятно недоумение мировой общественности как реакция на нетрадиционное содержание дипломатического послания главы

государства, и все же, несмотря на необычность эпистолярного стиля Трампа, это уникальное письмо еще одна демонстрация того факта, что американский лидер остается верен своей любимой стратегии – непредсказуемости – и по привычке пытается «брать на слабо» политических деятелей международного уровня.

Для того чтобы разобраться в логике игры Д. Трампа, необходимо прежде всего сформулировать, какие цели он преследует и каким представляет себе взаимодействие с другими игроками. Ключом к пониманию цели игры Трампа является его же дискурс, например, в своих предвыборных выступлениях политик неустанно заявлял, что намерен только побеждать, не приемлет компромиссов и проигрыша. Прочитаем некоторые из его «победоносных» выступлений: «Если меня изберут президентом, то мы будем выигрывать, мы будем выигрывать, мы будем выигрывать!» – «If I am elected president – we will win, we will win and we will win!» (на дебатах Республиканской партии на канале ABC News); «Я спокойно приму результаты этих великих и исторических президентских выборов, только если я выиграю!» – «I will totally accept the results of this great and historic presidential election if I win!» (на выступлении в г. Делавэре, штат Огайо); «Я буду скулить, пока не выиграю!» – «I will keep whining until I win!» (в интервью на канале CNN); «Мы выигрываем, мы выигрываем, мы выигрываем!» – «We are winning, we are winning, we are winning!» (на выступлении в г. Сент-Огастина, штат Флорида) и т. п.

Что касается ситуаций взаимодействия с другими игроками, очевидно, что Д. Трамп расценивает их как одноразовые мероприятия, т. е. столкновения краткосрочных интересов. Складывается впечатление, что он не задумывается о последствиях своих слов, мнении окружающих и будущем своей репутации, бросает все доступные ресурсы на достижение победы в данном конкретном случае и не гнушается пользоваться некрасивыми с моральной точки зрения приемами, публично оскорбляя политических оппонентов (например, давая им непolitкорректные прозвища: Безумный Берни – Crazy Bernie, Горбатая Хилари – Crooked Hillary, Мелкий Марко Рубио – Little Marco Rubio и т. п.). Таким образом, налицо игра с нулевой суммой, сценарий которой не предусматривает кооперации, выигрыш одной стороны равнозначен проигрышу другой. При этом стратегии и предпочтения игроков, какими иррациональными они бы ни казались на первый взгляд, могут показать себя как оптимальные и рациональные в случае выигрыша. Например, во время президентских выборов Д. Трамп обошел противников, так как антагонистическая игра – это привычная для него стихия, однако данное преи-

мущество оборачивается против него, так как в долгосрочной практике урегулирования международных отношений и управления отдельной страной «целесообразно использовать коалиционные игры и кооперативные игры с компромиссными оптимумами, отражающими учет взаимных интересов» [6, с. 37]. Обращаясь непосредственно к анализу коммуникативного инструментария антагонистической игры, исследователи выделяют следующие стратегии, применяемые 45-м президентом США в ситуациях политического взаимодействия [2, 9–11]:

– **стратегия конфронтации и конфликта.** По мнению А. П. Чудинова, «политическую деятельность отличает постоянная диалектика агрессивности», которая «резко возрастает в периоды, когда политическое решение должны принять широкие массы граждан (выборы, референдум, политические демонстрации и др.)» [12, с. 65–66]. Избирательная кампания 2016 г. в США наглядно продемонстрировала данное положение на примере конфликтотенной и агрессивной риторики будущего президента: в ситуациях коммуникативного взаимодействия Д. Трамп вынуждает оппонентов играть по его правилам, втягивая их в противостояние, бесстрашно атакует и не сдается до последнего.

Для характеристики коммуникативного оформления применяемых им стратегий обратимся к исследованию речевой агрессии К. Ф. Седова. Выдающийся отечественный психоллингвист отмечает, что конфликтное поведение, как лакмусовая бумажка, проявляет своеобразие языковой личности, при этом разнообразие языковых форм, употребляемых в состоянии конфликта, сводится к следующим типам речевых стратегий: инвективному, куртуазному и рационально-эвристическому [13]. Опираясь на классификацию средств проявления речевой агрессии К. Ф. Седова, рассмотрим, какая из данных стратегий доминирует в конфликтотенном дискурсе Трампа. Анализ речевого поведения Д. Трампа выявляет обилие как достаточно прямых, так и косвенных проявлений речевой агрессии, реализуемых посредством следующих тактик:

тактика констатации некомпетентности, обвинения и упрека – активная составляющая персонального дискурса Д. Трампа как способ делегитимизации противника. Во время предвыборной кампании он неоднократно выступал с обвинениями в некомпетентности Х. Клинтон, ссылаясь на недочеты в ее политической деятельности. Например: «Некомпетентная Хилари не знает, о чем она говорит. Не имеет представления. Она принимала такие плохие решения». – «Incompetent Hillary doesn't know what she's talking about. She doesn't have a clue. She's made such bad decisions» [14].

«Проблема в том, что вы говорите, но ничего не делаете, Хилари. Ничего. Совсем как когда вы управляли Госдепартаментом, и обнаружилась недостача шести миллиардов долларов. Как могли потеряться шесть миллиардов долларов? Вы управляли Госдепартаментом, и в это время украли шесть миллиардов. Никто не знает. Они исчезли, шесть миллиардов. Если вы станете президентом, страну ожидает беспорядок». – «The problem is, you talk, but you don't get anything done, Hillary. You don't. Just like when you ran the State Department, \$6 billion was missing. How do you miss \$6 billion? You ran the State Department, \$6 billion was either stolen. They don't know. It's gone, \$6 billion. If you become president, this country is going to be in some mess» [15].

Данная тактика, закономерная в период избирательной кампании, остается в арсенале политика и во время президентства. При этом она зачастую подкрепляется *тактикой оскорбления*. В разные периоды правления Трамп позволяет себе резкие высказывания и уничижительные ярлыки в адрес таких не согласных с ним политических деятелей и сотрудников, как бывший руководитель его же избирательной кампании Стив Бэннон («бестолковый Стив» – «Sloppy Steve»), бывший помощник президента и директор по коммуникациям в Управлении по связям с общественностью Омароса Маниголт-Ньюман («чокнутая Омароса» – «Wacky Omarosa»), председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы Дж. Пауэлл («профан» – «clueless»), бывший директор по коммуникациям Энтони Скарамуччи («некомпетентный» – «totally incapable»), бывший госсекретарь США Рекс Тиллерсон («тупица» – «dumb as a rock»; «лентяй» – «lazy as hell») [16], спикер палаты представителей конгресса США демократ Н. Пелоси («третьесортный политик» – «third-rate politician») и др. [17].

Тактика насмешки и колкости. Дискурс Трампа обнаруживает интенсивное использование иронии и сарказма как средств активной и реактивной агрессии, например: «Трамп: Я верну рабочие места. Вы же их вернуть не можете. Клинтон: На самом деле, я раздумывала над этим вопросом. Трамп: Да, в течение 30 лет». – «Trump: I will bring back jobs. You can't bring back jobs. Clinton: Well, actually, I have thought about this quite a bit. Trump: Yeah, for 30 years» [18].

«Она ошиблась не только относительно налогов, она ошибалась и в том, что касается Ливии, Сирии, Ирака. Возможно, она и Обама вам нравятся, но то, как они организовали вывод войск из Ирака, вакуум, который там оставили, способствовал формированию ИГИЛ. Они начали с небольшой территории и сейчас распространились в 32 государствах, Хилари. Поздравления. Отличная ра-

бота». – «She has made bad judgment not only on taxes, she's made bad judgements on Libya, on Syria, on Iraq. Her and Obama whether you like it or not, the way they got out of Iraq, the vacuum they left, that's why ISIS formed in the first place. They started from the little area and now they are in 32 different nations, Hillary. Congratulations. Great job» [19].

Нижеследующее выступление (10.10.2019) Д. Трампа на митинге в Миннеаполисе, штат Миннесота, иллюстрирует все вышеупомянутые тактики (ирония, оскорбление, обвинение и упрек) в адрес кандидата на пост президента США Дж. Байдена и его сына: «Кстати, что случилось с Хантером (сын Байдена). Где он, черт побери? Где Хантер? Друзья, у меня идея для новой надписи на футболке. Я люблю наших полицейских, но давайте сделаем надпись на футболке «Где Хантер?». Хантер, ты ничего не знаешь об энергетике, ты ничего не знаешь о Китае, ты вообще ничего не знаешь, честно говоря. Хантер, ты неудачник. Так за что ты получил полтора миллиарда долларов, Хантер? И твой отец тоже никогда не отличался сообразительностью. Он никогда не был хорошим сенатором. Он был хорошим вице-президентом, только потому что умел "...» (груб. вм. «угождать») Обама». – «By the way, whatever happened to Hunter. Where the hell is he? Where's Hunter? Hey fellows, I have an idea for a new t-shirt. I love the cops, but let's do another t-shirt "Where's Hunter?" Hunter, you know nothing about energy, you know nothing about China, you know nothing about anything, frankly. Hunter, you're a loser. Why did you get one point five billion dollars, Hunter. And your father was never considered smart. He was never considered a good Senator. He was only a good vice president because he understood how to kiss Barack Obama's ass» [20].

Особой популярностью пользуются токсичные посты Д. Трампа в «Твиттере», изобилующие оскорбительными ярлыками и пропитанные агрессивной риторикой в адрес неугодных политиков личностей. Думается, что «Твиттотворчество» 45-го президента США как манифестация агрессии в социальных сетях может послужить объектом отдельного исследования. В целом, очевидно, что конфронтация на основе речевой агрессии – излюбленное коммуникативное действие и отточенное оружие Д. Трампа, ориентированное на то, чтобы вызвать состояние фрустрации, выбить почву из-под ног политических противников, заставить их дрогнуть и уступить. Характер используемых им тактик позволяет предположить, что политик тяготеет к крайней форме проявления рационально-эвристической стратегии речевой агрессии;

– **стратегия неопределенности и непредсказуемости.** Традиционно политический и дипломати-

ческий дискурс изобилует эвфемизмами и уклончивыми высказываниями в целях камуфляжа и вуалирования неприглядной действительности [21]. Но в отличие от уклончивого и политкорректного Б. Обамы Д. Трамп прямолинеен и прибегает к иным митигативным средствам [22]. Дискурс 45-го президента США полон противоречивых высказываний, которые в итоге не дают четкого представления о его позиции по многим политическим и социальным вопросам, например об его отношении к закону об абортх: «Я полностью поддерживаю право женщины самой решать судьбу своей беременности». – «I'm totally pro-choice» (Fox News, October 31, 1999); «Я за запрет абортов». – «I'm pro-life» (СРАС, February 10, 2011); «Послушайте, я поддерживаю право женщины решать судьбу своей беременности. Я ненавижу аборты. Ненавижу. Ненавижу все, что стоит за этим понятием. Я чувствую себя неловко, когда обсуждается этот вопрос, но все же я верю в возможность выбора. Я за выбор, но ненавижу саму мысль об аборте». – «Look, I'm very pro-choice. I hate the concept of abortion. I hate it. I hate everything it stands for. I cringe when I listen to people debating the subject, but you still – I just believe in choice. I am strongly for choice, and yet I hate the concept of abortion» (NBC News, October 24, 1999); «Я горжусь тем, что я противник абортов». – «I am very, very proud to say that I'm pro-life» (Cleveland, Ohio, August 6, 2015) [23].

Политик не может до конца определиться, как он относится к НАТО: «Я рассматриваю НАТО как положительное явление». – «I see NATO as a good thing» (Washington Post, March 21, 2016); «Я думаю, что НАТО устарело». – «I think NATO is obsolete» (ABC News, March 27, 2016) [23]. В итоге создается впечатление, что политик постоянно лжет и не имеет четкой политической программы, его действия не поддаются прогнозированию.

Говоря о непредсказуемости Д. Трампа, нельзя не затронуть стратегическую «теорию безумца», суть которой состоит в устрашении противника путем внушения ему мысли, что у власти находится неадекватный человек, способный на крайние меры, в том числе на применение ядерного оружия. Р. Никсон применял «стратегию безумца» для давления на Советский Союз во время войны во Вьетнаме, однако в целом данная концепция показала себя неэффективной. По мнению В. Е. Косякова, в настоящее время в СМИ наблюдается тенденция формирования образа Трампа как безумного и непредсказуемого политика, способного развязать ядерную войну с КНДР или разрушить экономику Турции. Однако ультимативные угрозы Д. Трампа часто вызывают реакцию, обратную

ожидаемой, и больше запугивают союзников США и его соотечественников, чем противников [10]. Например, ультимативное обращение к лидеру КНДР вызывает встречные угрозы:

«Трамп: Пусть кто-нибудь из представителей этой бедной и голодающей страны сообщит ему, что у меня тоже есть ядерная кнопка, но она гораздо больше и мощнее, чем его ядерная кнопка, и она работает!» – «Will someone from his depleted and food starved regime please inform him that I too have a Nuclear Button, but it is a much bigger & more powerful one than his, and my Button works!» [24].

«Ким Чен Ын: США следует знать, что ядерная кнопка у меня на столе. Вся территория США находится под прицелом наших ядерных орудий. Соединенные Штаты никогда не смогут развязать войну против меня и нашей страны». – «Kim Jong-un: The US should know that the button for nuclear weapons is on my table. The entire area of the US mainland is within our nuclear strike range. The United States can never start a war against me and our country» [25].

В плане исследуемой проблемы, этот факт подчеркивает ущербность применяемых Трампом коммуникативных стратегий антагонистической игры, которую он переносит в сферу международных отношений. Руководствуясь стремлением получить максимально возможный выигрыш в ситуациях политического взаимодействия, политик находит рациональным и оптимальным использование стратегий конфликта и непредсказуемости в любых столкновениях интересов, что существенно отличает его от плеяды американских профессиональных политиков-президентов последних десятилетий (Б. Обама, Дж. У. Буш, Б. Клинтон, Дж. Х. Буш, Б. Клинтон).

Заключение

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Антагонистическая игра является типичным и наиболее рациональным, с точки зрения Д. Трампа, сценарием любого политического коммуникативного взаимодействия.
2. Основными коммуникативными стратегиями Д. Трампа являются стратегии конфронтации, неопределенности и непредсказуемости: в конфликтном дискурсе политика преобладает рационально-эвристическая форма речевой агрессии, в то время как амбивалентность строится на основе противоречивого дискурса.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что теоретико-игровой подход дополняет существующую методологию исследования коммуникации и открывает интересные перспективы для исследования политического дискурса.

Список литературы

1. Иванова С. В., Борисова А. С. Лингвистика сегодня: от интердисциплинарности к трансдисциплинарности (III Фирсовские чтения. Москва, 14–15 ноября 2017 г.) // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22, № 1. С. 215–222.
2. Иванова С. В., Чанышева З. З. Идеологическая составляющая содержания как объект лингвистической экспертизы политического текста // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 180–190.
3. Вильданова Г. А. Теоретико-игровой подход к исследованию коммуникации // Вестн. Пермского нац. исслед. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 3. С. 59–67.
4. Brams S. Game Theory and the Humanities: Bridging Two Worlds. MIT Press, 2011. 310 p.
5. Pinker S., Lee J. Rationales for Indirect Speech: The Theory of the Strategic Speaker // Language, Cognition, and Human Nature: selected articles. New York: Oxford University Press, 2013. P. 302–356.
6. Салин П. Б., Югра В. А. Формальные модели теории игр в политологии и их приложения к экспертным экономическим моделям // Гуманитарные науки. Вестн. Финансового ун-та. 2012. № 4 (8). С. 32–42.
7. Вильданова Г. А. Национально-культурная специфика непрямой коммуникации (на примере американского варианта английского языка) // Вест. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 11 (188). С. 85–89. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-11-85-89.
8. Turkey's Erdogan threw Trump's Syria letter in bin // BBC News. 2019. October, 17. URL: <https://www.bbc.com/news> (дата обращения: 29.10.2019).
9. Овсянников В. В. Амбивалентность в речи Трампа // Язык науки и техники в современном мире: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, апр. 2017 г.). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 132–136.
10. Кедровский И. А. Манипулятивные стратегии политического общения через призму комического // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы V Междунар. научно-практ. конф. Минск, 2018. С. 145–155.
11. Косяков В. Е. К вопросу о внешней политике Дональда Трампа: продуманная стратегия «безумца» или спонтанное принятие решений? // Наука и бизнес: пути развития. 2019. № 2. С. 289–292.
12. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М., 2008. 256 с.
13. Седов К. Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета // Социальная психоллингвистика. М., 2007. С. 250–278.
14. Transcript: The most important exchanges of the presidential debate, annotated // Los Angeles Time. 2016, September, 27. URL: <https://www.latimes.com> (дата обращения: 20.10.2019).
15. The Full Transcript of the Third Presidential Debate Between Donald Trump and Hillary Clinton // Fortune. 2016, October, 19. URL: <https://fortune.com> (дата обращения: 24.10.2019).
16. Raymond A. K. Trump Hired Them, Then He Called Them Incompetent // New York. 2019, August, 19. URL: <http://nymag.com> (дата обращения: 28.10.2019).
17. Pelosi: Trump had 'meltdown' during White House meeting on Syria – as it happened // The Guardian. 2019, October, 16. URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 17.10.2019).
18. Transcript of the First Debate // New York Times. 2016, September, 27. URL: <https://www.nytimes.com> (дата обращения: 28.10.2019).
19. Full transcript: Second 2016 presidential debate // Politico. 2016, October, 10. URL: <https://www.politico.com> (дата обращения: 28.10.2019).
20. Donald Trump Minnesota Rally Speech Transcript: Minneapolis, MN Rally October 10, 2019 // Rev. 2019, October, 10. URL: <https://www.rev.com> (дата обращения: 17.10.2019).
21. Пастухова О. Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2019. 24 с.
22. Кожухова И. В., Пастухова О. Д. Митигативные средства в новых СМИ (на материале сайта hopesandfears.com) // Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы: материалы III конф. PMMIS (Челябинск, 28–29 марта 2019 г.). Челябинск, 2019. С. 167–171.
23. Weiland N. Donald Trump's Greatest Self-Contradictions // Politico. 2016, May, 5. URL: <https://www.politico.com> (дата обращения: 28.10.2019).
24. Donald Trump boasts that his nuclear button is bigger than Kim Jong-un's // The Guardian. 2018, January, 3. URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 26.10.2019).
25. Kim Jong-un says 'nuclear button is on my desk', as he announces plan to mass produce and deploy warheads // South China Morning Post. 2018, January, 1. URL: <https://www.scmp.com> (дата обращения: 26.10.2019).

Вильданова Гузель Агзамовна, кандидат филологических наук, доцент, Казанский инновационный университет (ул. Московская, 42, Казань, Россия, 420111). E-mail: guzelec@gmail.com

Кожухова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Челябинский государственный университет (ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, 454001). E-mail: vinantov@mail.ru

Материал поступил в редакцию 31.10.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-84-91

ANTAGONISTIC GAME COMMUNICATIVE RESOURCES IN CONTEMPORARY AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

G. A. Vildanova, I. V. Kozhukhova

Kazan Innovative University, Kazan, Russian Federation

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Introduction. The article considers communicative instrumentarium of political interaction treated in game theory as antagonistic game.

Material and methods. Analysis of political non-cooperative game linguistic constituent is implemented on the basis of game theory model and it reveals: 1) the peculiarities of game pursued by players in the political interaction under study; 2) communicative strategies specific for the politician discourse; 3) linguistic formalization of the speech strategies and tactics under analysis. The research focuses on Trump political discourse material manifesting non-cooperative game strategies.

Results and discussion. Game theory is a ubiquitous tool of players strategic behaviour forecasting and can be implemented in political linguistics since political discourse aims and content imply communication strategic planning. Trump discourse analysis reveals active incorporation of strategies common for antagonistic game (non-cooperative zero-sum game). In effort to achieve the biggest pay-off the politician considers it expedient to employ communicative strategies of conflict and unpredictability in any political collision of interests. The strategy of confrontation in Trump discourse is manifested through various kinds of active and reactive speech aggression realized by means of incompetence assertion tactic, tactics of accusation, reproach, offence, ridicule and irony. The strategy of unpredictability and ambiguity employs contradictory utterances complicating political forecasting. These communicative strategies are rational in short-term interactions, e.g., presidential elections. Antagonistic games communicative strategies are not effective in long-term practice of foreign relations regulation and state governance.

Conclusion. Donald Trump considers antagonistic game to be the most effective scenario of any political interaction. The USA president's dominant communicative strategies are the ones of confrontation, unpredictability and ambiguity. Rational-heuristic type of speech aggression dominates the discourse of the politician.

Keywords: *game theory, antagonistic game, political discourse, communicative strategy, zero-sum game, verbal aggression.*

References

1. Ivanova S. V., Borisova A. S. Lingvistika segodnya: ot interdistitsiplinarnosti k transdistitsiplinarnosti (III Firsovskiy chteniya. Moskva, 14–15 noyabrya 2017 g.) [Linguistics today: from interdisciplinary to transdisciplinary character (III Firsov readings. Moscow, 2017, November, 14–15)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, 2018, vol. 22, no. 1, pp. 215–222 (in Russian).
2. Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. Ideologicheskaya sostavlyayushchaya soderzhaniya kak ob'yekt lingvisticheskoy ekspertizy politicheskogo teksta [Ideological content component as object of political text linguistic expertise]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2018, no. 1 (67), pp. 180–190 (in Russian).
3. Vil'danova G. A. Teoretiko-igrovoy podkhod k issledovaniyu kommunikatsii [Game theoretic approach to communication study]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta. Problemy yazykoznavaniya i pedagogiki – PNIPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2017, no. 3, pp. 59–67 (in Russian).
4. Brams S. *Game Theory and the Humanities: Bridging Two Worlds*. MIT Press, 2011. 310 p.
5. Pinker S., Lee J. *Rationales for Indirect Speech. Language, Cognition, and Human Nature: selected articles*. New York: Oxford University Press, 2013. Pp. 302–356.
6. Salin P. B., Yurga V. A. Formal'nyye modeli teorii igr v politologii i ikh prilozheniya k ekspertnym ekonomicheskim modelyam [Formal models of the games theory and their applications to expert economic models]. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta – Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2012, no. 4 (8), pp. 32–42 (in Russian).
7. Vil'danova G. A. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika nepryamoy kommunikatsii (na primere amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka) [National and cultural specificity of indirect statement (based on American English)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2017, vol. 11 (188), pp. 85–89. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-11-85-89 (in Russian).
8. Turkey's Erdogan threw Trump's Syria letter in bin. *BBC News*, 2019 October, 17. URL: <https://www.bbc.com/news> (accessed 29 October 2019).
9. Ovsyannikov V. V. Ambivalentnost' v rechi Trampa [Ambivalence in Trump speech]. *Yazyk nauki i tekhniki v sovremennom mire: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Science and technology language in the contemporary world: collection of scientific articles]*. Omsk, OmsTU Publ., 2017. Pp. 132–136 (in Russian).
10. Kedrovskiy I. A. Manipulyativnyye strategii politicheskogo obshcheniya cherez prizmu komicheskogo [Manipulative strategies of political communication from the perspective of comicality]. *Aktual'nyye problemy humanitarnogo obrazovaniya: materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Topical aspects of humanitarian education: collection of V International conference of scientific articles of the V International scientific-practical conference]*. Minsk, 2018. Pp. 145–155 (in Russian).

11. Kosyakov V. E. K voprosu o vneshney politike Donal'da Trampa: produmannaya strategiya "bezumtsa" ili spontannoye prinyatiye resheniy? [To the question of foreign policy of Donald Trump: a well-thought madman strategy or spontaneous decision making?] *Nauka i biznes: puti razvitiya – Science and Business: Ways of Development*, 2019, no. 2, pp. 289–292 (in Russian).
12. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow, 2008. 256 p. (in Russian).
13. Sedov K. F. Rechevaya agressiya i agressivnost' kak cherta rechevogo portreta [Speech aggression and aggressiveness as part of speech portrait]. *Sotsial'naya psikholingvistika* [Social psycholinguistics]. Moscow, 2007. Pp. 250–278 (in Russian).
14. Transcript: The most important exchanges of the presidential debate, annotated. *Los Angeles Time*, 2016, September, 27. URL: <https://www.latimes.com> (accessed 20 October 2019).
15. The Full Transcript of the Third Presidential Debate between Donald Trump and Hillary Clinton. *Fortune*, 2016, October, 19. URL: <https://fortune.com> (accessed 24 October 2019).
16. Raymond A. K. Trump Hired Them, Then He Called Them Incompetent. *New York*, 2019, August, 19. URL: <http://nymag.com> (accessed 28 October 2019).
17. Pelosi: Trump had 'meltdown' during White House meeting on Syria – as it happened. *The Guardian*, 2019, October, 16. URL: <https://www.theguardian.com> (accessed 17 October 2019).
18. Transcript of the First Debate. *New York Times*, 2016, September, 27. URL: <https://www.nytimes.com> (accessed 28 October 2019).
19. Full transcript: Second 2016 presidential debate. *Politico*, 2016, October, 10. URL: <https://www.politico.com> (accessed 28 October 2019).
20. Donald Trump Minnesota Rally Speech Transcript: Minneapolis. *Rev*, 2019, October, 10. URL: <https://www.rev.com> (accessed 17 October 2019).
21. Pastukhova O. D. *Kommunikativno-pragmaticheskiye osobennosti evfemizmov v politicheskom mediadiskurse (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)*. Dis. kand. filol. nauk [Communicative and pragmatic peculiarities of euphemisms in political discourse (in English and Russian). Diss. cand. philol. sci.] Chelyabinsk, 2019. 24 p. (in Russian).
22. Kozhukhova I. V., Pastukhova O. D. Mitigativnyye sredstva v novykh SMI (na materiale sayta hopesandfears.com) [Mitigative strategies in new media (based on hopesandfears.com)]. *Zhurnalistskiy tekst v novoy tekhnologicheskoy srede: dostizheniya i problemy: materialy III konf.* [Journalistic text in a new technological environment: achievements and problems: materials III conf. PMMIS (Chelyabinsk, March 28–29, 2019)]. Chelyabinsk, 2019. Pp. 167–171 (in Russian).
23. Weiland N. Donald Trump's Greatest Self-Contradictions. *Politico*, 2016, May, 5. URL: <https://www.politico.com> (accessed 28 October 2019).
24. Donald Trump boasts that his nuclear button is bigger than Kim Jong-un's. *The Guardian*, 2018, January, 3. URL: <https://www.theguardian.com> (accessed 26 October 2019).
25. Kim Jong-un says 'nuclear button is on my desk', as he announces plan to mass produce and deploy warheads. *South China Morning Post*, 2018, January, 1. URL: <https://www.scmp.com> (accessed 26 October 2019).

Vildanova G. A., Kazan Innovative University (ul. Moskovskaya, 42, Kazan, Russian Federation, 420111).
E-mail: guzelec@gmail.com

Kozhukhova I. V., Chelyabinsk State University (ul. Brat'yev Kashirinykh, 129, Chelyabinsk, Russian Federation, 454001)
E-mail: vinantov@mail.ru